

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.2.5

**СОЦИАЛЬНО-
ДИСПОЗИЦИОННЫЕ
УСТАНОВКИ КАК МОДЕЛИ
СОЦИАЛЬНОЙ
САМОРЕГУЛЯЦИИ
МОЛОДЕЖИ В РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЙ РАВЕНСТВА
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

Некрасов Евгений Евгеньевич

Соискатель,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

**SOCIAL AND
DISPOSITIONAL ATTITUDES
AS THE MODELS OF SOCIAL
SELF-REGULATION
OF THE YOUTH IN THE
IMPLEMENTATION OF THE
EQUAL OPPORTUNITY
STRATEGIES**

Evgeny E. Nekrasov

Doctoral Candidate,
Platov South-Russian
State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

Статья связана с актуализацией социально-диспозиционного подхода к проблемам реализации стратегий равенства возможностей российской молодежи. Автор исходит из положения об иерархии социальных диспозиций российской молодежи как социальных саморегуляторов. Делается вывод о том, что при слабости институциональных предписаний равенство возможностей реализуется через социально фиксированные установки, ориентированные на ситуативно-конвенциональные отношения, что находит подтверждение в ситуативных поведенческих моделях и в целом инструментальном активизме российской молодежи как способе реализации стратегий равенства возможностей.

The article deals with the actualization of the social and disproportionate approach to the problems of implementation of the equal opportunity strategies for Russian youth. The author proceeds from the idea of the hierarchy of social dispositions of Russian youth as social self-regulators. It is concluded that, if the institutional requirements are weak, the equal opportunity is realized through the socially fixed attitudes oriented to the situational and conventional relations. It is confirmed by the situational behavior patterns and in the instrumental activism of Russian youth as a way to implement equal opportunity strategies.

Ключевые слова: стратегии равенства возможностей; социальные диспозиции; российская молодежь; поведенческие модели; прагматические ценности.

Keywords: equal opportunity strategies; social dispositions; Russian youth; behavior patterns; pragmatic values.

Введение

Можно говорить о том, что в реализации цели нашего исследования важным является анализ активности молодежи, основанной на определенных социально-диспозиционных установках, включающих способность на личностном и групповом уровнях реализовать жизненные цели, актуализировать стратегии равенства возможностей в соответствии с другими базисными социальными установками. Если учитывать, что в российском обществе мотивация к успеху влияет на стратегии равенства возможности и наблюдается корреляция между успехом и равенством возможностей, исследовательского внимания требует определение иерархии деятельностно-мотивационных установок. Как социальные диспозиции создают фон препятствования или благоприятствования стратегии равенства возможностей и в какой степени принимаемые российской молодежью социально-диспозиционные установки определяют уровень мобилизованности на их реализацию? (Воденко, 2017).

Рассматривая стратегии равенства возможностей, последовательным исследовательским шагом представляется включение ценностного набора в структуру личности, который позволяет уловить наиболее общие социальные детерминанты мотивации поведения, рассматривать ценности молодежи как выполняющей по отношению к личности нормативные функции (Саморегуляция и прогнозирование ... , 2013. С. 78). Речь идет о том, что анализ поведенческих моделей российской молодежи выводит на положения о саморегулировании стратегий равенства возможностей. Это находит выражение в понятии фиксированной социальной установки, которая формируется на стыке между потребностями и условиями ее реализации. Иными словами, поведенческие модели молодежи являются феноменом ориентаций, социальных установок, направленности личности. Даже фиксируя расхождения между нормативными предписаниями (принятием формальных норм) и поведением в молодежной среде, следует отметить, что активность в данной сфере регулируется системой социальных диспозиций молодежи, тем, как равные возможности отражаются в самосознании индивида, в его социальном автопортрете.

При выявлении взаимосвязи между иерархией социальных диспозиций как механизмом социальной саморегуляции и установками на стратегии равенства возможностей возникает вопрос, связанный с тем, каким образом равенство возможностей, понимаемое как основной смысл жизненных стратегий, основывается на диспозиционных установках, направленных на формирование саморегуляторов деятельности личности. Отмечая также, что для молодых людей как социальных индивидов важное значение имеет не только достижение конкретных жизненных целей, но и то, какой смысл придается стратегиям равенства возможностей самореализации личности, уместно говорить об анализе влияния ценностей как спусковых механизмов деятельности и активности в реализации стратегий равенства возможностей.

Ценности, в этом смысле, включаются в структуру личности или декларируются, оставаясь презентацией хороших намерений. Так как большинство молодых россиян легитимировали стратегии равных возможностей в качестве поведенческих программ, необходимо подчеркнуть, какие ценности актуализируются в позициях молодежи для реализации стратегий равенства возможностей, что придает стратегиям реальный, а не воображаемый смысл в поведении молодых россиян.

Социально-диспозиционные установки как модели социальной саморегуляции молодежи

Можно говорить о том, что для российской молодежи важным является то, каким образом регулятивные нормы общества превращаются в регулятивные нормы личности. Важным становится вопрос о том, в какую группу включен молодой человек, растрчивает ли он свое время в Интернете, занимается активной общественной деятельностью или поглощен проблемой заработков. Несмотря на то что большинство молодых россиян включены в жизнь общества, ориентируются на нормативные предписания для получения образования и престижной работы, есть определенные моменты, связанные с тем, что в силу рассогласованности нормативных предписаний институциональной системы российского общества не наблюдается их трансформация в ценностные регуляторы молодежи. Поэтому неудивительно, что 64 % молодых людей полагают, что для современной молодежи характерны моральный релятивизм, цинизм, равнодушие к идеалам (Горшков, 2010. С. 125).

Можно считать, что наблюдается смещение смыслов, когда за ценностные регуляторы принимаются возвышенные, традиционные ценности, которые могут выступать ценностями-идеалами, но слабо

работают в повседневных практиках. Нельзя не считаться с тем, что молодые россияне не выработали собственной системы ценностей, которая бы выступала альтернативой ценностям старших поколений. Но, углубляясь в данную проблему, можно говорить о том, что у молодежи есть определенные трудности, связанные не только со слабой референтностью нормативных институциональных предписаний общества, так как институциональная система не задает ориентиры, а выступает механизмом внешнего регулирования и принуждения.

Сложности определяются и тем, что молодежью утрачены идеалы в личностном смысле, если говорить о престиже института президентства, который ассоциируется с персонифицированной властью, здесь не может идти речи о восприятии массовой модели. Институт президентства воспринимается как высший, не имеющий отсыла к равенству возможностей, венчающий властную иерархию, т. е. институт президентства следует уважать, но не ориентироваться на повседневном поведении и не считать конечной целью реализацию стратегий равенства возможностей.

Что же касается идеалов более земных и доступных, 29,9 % молодых людей считают таковыми друзей, 35 % – родственников, что свидетельствует о том, что под влиянием слабости институционального недоверия, собственно, утрачивается значение идеала, друзья и родственники все-таки могут восприниматься как идеалы только с натяжкой, скорее это жизненный пример или человек, который может оказать помощь. В этом смысле низкими, не достигающими социально-регулятивного влияния, оказываются другие общественные персонажи: учитель, преподаватель (9,5 %), руководитель производственного коллектива (5,6 %), артист (6,8 %), спортсмен (6,4 %) (Горшков, 2010. С. 128).

Можно говорить о том, что для стратегии равенства возможностей круг деятельностной мотивации сужен, и это явление, в большей степени описываемое как интровертность личности, приводит к тому, что в молодежной среде доминируют ценности, направленные на самих себя. Иерархия жизненного успеха молодежи – наличие крепкой семьи (60,2 %), уважение окружающих (40,2 %), богатство (38,1 %), интересная работа (30,5 %), наличие надежных друзей (28,4 %) (Горшков, 2010. С. 129) – свидетельствует о том, что в условиях барьеров на пути трансформации регулятивных предписаний к социальным установкам молодежи возникает лаг между равенством возможностей как самовыражением и самореализацией личности и составляющими жизненного успеха. Вполне объяснимо наличие крепкой семьи и детей

выступает индикатором этой ситуации, поскольку не связано ни с деятельностью социальных институтов, ни с кругом близких и представляется молодежи сферой, обладающей наибольшей свободой. Уважение окружающих также фиксирует установку на самостоятельность, на то, чтобы действовало правило признания самодостаточности личности.

Если исходить из согласующейся с принятой в исследовании концепцией актуализации диспозиционной иерархии (реактивные установки, социально фиксированные установки, система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и средства их достижения) (Саморегуляция и прогнозирование ... , 2013. С. 35–37), доминирует ситуативно-конвенциональный контекст, связанный со слабым влиянием институциональных предписаний на социальные диспозиции молодежи.

В то же время нельзя не отметить, что молодые россияне нацелены на принятие социальной справедливости как равенства возможностей. Это важное обстоятельство для понимания того, что, хотя признание социальной справедливости декларируется по отношению к институциональному уровню и осознается как реализуемое в повседневных практиках, возникает потребность в гарантии социальной справедливости на институциональном уровне, и это переносится на государство. Отсюда, когда речь заходит о господстве ситуативно-конвенциональных отношений, применимых к оценке институциональной сферы, на социальном микроуровне реализуется иерархия диспозиций, в которых присутствует личностный смысл. По результатам самостоятельного социологического исследования¹, 40,5 % респондентов признают его значимым, незначимым – 33,8, не играющим никакой роли – 26,1 %. Это парадоксальная внешне позиция объяснима декларированием равенства возможностей на социальном макроуровне и инструментализмом на социальном микроуровне.

Типология позиций российской молодежи в отношении стратегий равенства возможностей

Если анализировать соотношение позиций респондентов, то прослеживаются три последствия. Первое связано с тем, что для молодых

---

¹ Автором было проведено самостоятельное социологическое исследование на тему «Стратегии равенства возможностей современной молодежи» с использованием метода анкетного опроса, который позволил собрать эмпирическую информацию в ходе очного анкетирования респондентов (молодежи в возрасте от 18 до 30 лет). Методом сбора социологической информации является формализованное интервью (анкетный опрос) по месту жительства. Генеральную совокупность социологического исследования составила городская и сельская молодежь Ростовской области в возрасте от 18 до 30 лет. Общий объем выборочной совокупности составляет 590 респондентов. Средняя ошибка выборки равна 4,66 %. Для расчета выборочной совокупности был использован простой случайный отбор по схеме бесповторного отбора.

россиян государство, как и для старших поколений, выступает гарантом и центром институциональной системы, поэтому на государство (государственные институты) возлагается ответственность за поддержание системы в целом. Что касается порядка и стабильности, присутствует более высокий уровень доверия, чем по отношению к институтам, занимающимся собственно молодежной политикой. Государствоцентричный комплекс также означает, что практически для половины молодежи молодежная политика в отношении стратегий равенства возможностей ассоциируется с деятельностью государственных институтов и в меньшей степени со структурами самоорганизации молодежи (общественными ассоциациями).

Возникает парадокс, связанный с тем, что часто проявляется государствоцентризм в том, что не легитимируется вера в способность молодежи самостоятельно или на условиях государственно-общественного партнерства решать ее проблемы. Очевидно, что государствоцентризм воспроизводит схему постоянных ожиданий по отношению к государству, которое обязано обеспечить нормативно-правовую базу равенства возможностей. На личном и групповом уровнях в молодежной среде допускается разнообразие поведенческих паттернов, имеющих предельное значение в недопустимости преступлений против государства и радикализма.

В-третьих, неозтатистский комплекс ставит заслон на потребности в высших диспозиционных установках, связанных с ценностью личности. В определенной степени отношение к государству является и верой, и прагматикой. Верой в том, что российское общество не может разрушиться вне государства и государство является центром общественной жизни и прагматики в том, что есть ожидания, что молодежные институты могут работать для обслуживания конкретных групп молодежи.

Какое отношение это имеет к стратегиям равенства возможностей? Для молодых россиян важно, чтобы государство не отказывалось от идеи равенства граждан, действуя по схеме «обмена» лояльности молодежи на стабильность. Таким образом, неозтатистский комплекс для молодежи в большей степени характеризует не традицию подданничества. Являясь постсоветскими поколениями, молодые россияне придерживаются государствоцентристского комплекса в контексте сложившейся институциональной системы, в том, что для них институты саморазвития молодежи являются не только труднореализуемыми, но и имеющими значение в качестве социально фиксированных установок.

Определяя неозтатистский комплекс как стабилизирующий в формировании диспозиционной иерархии молодежи, можно сделать также вывод о том, что, признавая незначительность государства или отрицая его влияние на стратегии равенства возможностей молодежи, отмечается воспроизводство анархизма 90-х гг. XX в., соглашения между личностью и государством по поводу взаимного невмешательства. Есть принципиально новый момент, связанный с тем, что в молодежной среде достаточно четко на уровне высокопрофессиональных групп проявляется тенденция к независимости, самореализации, самодостаточности, провозглашается стратегия параллельного развития государства и личности.

В этом смысле нужно говорить о том, что есть эффект разочарования в неэффективности молодежной политики. Однако следует дифференцировать разочарование как социально реактивную установку и ценность независимости, самостоятельности, построения стратегии равенства возможностей. Следует также отметить, что в предложенной диспропорции есть признание волнообразности молодежных настроений. Очевидно, что в благополучные 2000-е гг. число сторонников стратегий равенства возможностей возросло, и это было связано с практиками зарабатывания и кредитования. В нынешних кризисных условиях проявляется тенденция ухода в адаптивные стратегии, в которых минимизируются ожидания по отношению к государству.

Это не означает исчезновения неозтатистского комплекса, так как респонденты осознают отсутствие самоорганизации в реализации стратегии равенства возможностей. Но, отдавая дань правовым инновациям как влиятельному инструменту обеспечения стратегий равенства возможностей, группа колеблющихся и группа пессимистов подтверждают, что ослабление неозтатистского комплекса является фактором возрастания социальной неопределенности. В контексте того, что не выстроены группы гражданской самодеятельности, что практически волонтерские организации не занимаются проблемами молодежи или это делают опосредованно, через модные в обществе тренды (экология, правозащитная деятельность, благотворительность). Для молодых россиян актуальным становится неозтатизм.

Характеризуя положение молодежи в современном российском обществе, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров подчеркивают, что субъекты взаимодействий нередко лишены возможностей рассчитывать вероятность случайных событий, оценивать ресурсы, действия внешних факторов (Зубок, 2008. С. 113). Это положение уместно по отношению к неозтатистскому комплексу молодежи, который, с одной стороны, со-

храняет веру в государство, но является условным в том, что молодежи отводится определенная самостоятельность в решении жизненных проблем. Среди сторонников стратегий равенства возможностей интерес представляет то, что, согласно результатам самостоятельного социологического исследования, 45,3 % респондентов полагают, что поддержка государства необходима.

Вероятно, они имеют в виду, что в условиях неопределенности, невозможности личностью просчитать собственные силы государство должно обеспечивать социальную страховку, выключить молодого человека из риска нисходящей социальной мобильности, попадания на социальное дно или в положение крайней нужды в случае срыва жизненных планов. Здесь уместно отметить, что это своего рода минимализм равенства возможностей, когда респонденты ориентируются на нижнюю границу, т. е. право на защищенность со стороны, на опеку государством каждого, не ставя амбиций о равенстве возможностей как доступа к социальному благосостоянию и успешной реализации жизненных планов.

Обращает на себя внимание тот факт, что 36 % респондентов заявляют о своем индивидуализме, т. е. в молодежной среде достаточно прочно утвердилась опора на собственные силы, и данная установка выступает как социально фиксированная. Что же касается соотношения с высшими ценностными диспозициями, то равенство возможностей воспринимается как расширение свободы индивидуальности. В этом смысле и понимается сама реализация личности, патернализм оценивается как устаревший, как не свойственный молодому поколению по его различиям.

Можно предположить, что индивидуалисты предрасположены к тому, чтобы считать молодежь отличной от старших поколений в том, что им свойственны энергичность и предприимчивость, адаптированность к рыночным условиям и, с другой стороны, окончательное прощание с иллюзиями насчет государственного протекционизма. В этом контексте встает ряд вопросов, связанных с тем, что институты развития молодежи не способствуют социально фиксированным установкам, не создают чувства стабильности и реализуемости ожиданий в равенстве возможностей. Для респондентов значимым становится либо фиксирование социально реактивных установок, либо попытка определить свой индивидуализм как наиболее адекватную ценностную ориентацию. Это подтверждается тем, что 69,8 % респондентов признают высокую степень саморегулирования молодежи, имея, очевидно, в виду, что молодые россияне действуют в контексте рационализа-

ции стратегий равенства возможностей, придерживаются сходных социальных диспозиций.

Действительно, отталкиваясь от негативизма в отношении патернализма, индивидуалисты видят стратегии равенства возможностей в создании условий для конкуренции молодежи, ее талантов, способностей, квалификации. Здесь также следует внести уточнение, связанное с тем, что возникает ситуация выбора традиционных и либеральных ценностей. Согласно результатам самостоятельного социологического исследования, идеи конкуренции придерживаются 55 % патерналистов, 30,7 % индивидуалистов и 14 % тех, кто расположен к риску.

Таким образом, внешний парадокс, связанный с тем, что патерналисты признают конкуренцию, имеет объяснение в том, что для патерналистов конкуренция является сферой деятельности государства, молодежной политики, создания справедливых селекционных механизмов, оценки молодежи по ее реальным профессиональным и социальным качествам. В конечном счете с устранением социальных диспропорций, связанных с неравенством семейного капитала, стартовых площадок для реализации профессиональных стратегий.

Что же касается индивидуалистов, меньшее число по сравнению с патерналистами (сторонников конкуренции), и это тоже выглядит парадоксально, основывается на неверии в способность государства реализовать механизмы честной, открытой конкуренции, с одной стороны, а с другой – индивидуалисты полагают, что выработка любых формальных правил в сфере конкуренции значительно ограничивает их шансы. Равенство возможностей видится в том, чтобы каждый действовал самостоятельно или объединился с близкими для достижения жизненных целей. Так как молодежная среда однородна, а для индивидуалистов значима независимость личности, введение любых формальных ограничений означает ущемление индивидуализма.

Сторонники рискогенных стратегий радикализуют эту позицию в том, что для них риск как случайность, везение, умение находить правильное решение не является совместимым с конкуренцией. Каждый, на их взгляд, устанавливает свои правила, а конкуренция ведет к принуждению, признанию силы другого. Относительно демократии можно отметить следующий тренд: 46,4 % патерналистов ратуют за демократию, но работающую, обеспечивающую равенство возможностей на государственном уровне и в повседневных практиках. В этом смысле отставание индивидуалистов (35,2 %) есть закономерное следствие их позиции по отношению к демократии. Для них демократия выражена в сочетании защиты прав личности и допустимости неправовой свободы.

Демократия как воля большинства означает зависимость от старших поколений, введения правовых регламентаций, и в этом смысле равенство возможностей содержит нежелательность уравниательства. В их позициях проявляется действие социально фиксированных установок, которые не перерастают в ценностные ориентации на свободу и демократию, а принимают инструментальную направленность.

Склонные к риску респонденты (18,1 %) признают демократию только как эквивалент «русской воли», как легитимацию возможности получения жизненного вознаграждения за применение рискогенных поведенческих моделей. Очевидно, что актуализируется проблема допустимости границ локализации рискогенных поведенческих моделей. Для сторонников рисков их действия могут рассматриваться как пролонгация социальной маргинальности, но с других позиций отношения к конкуренции и демократии склонных к риску могут восприниматься как социально фиксированная установка в контексте дистанцирования от идеологических конструктов и рисков социального дарвинизма, в котором проигрыш личности обусловлен неравенством возможностей, выявляемых в процессе конкуренции.

Допуская, что влияние либеральных ценностей на стратегии равенства возможностей молодежи воспроизводит парадокс, связанный с преобладанием патерналистов, это свидетельствует о том, что в среде сторонников стратегий равенства возможностей либеральные ценности воспринимаются социоцентрично, связаны с влиянием неозтатистского комплекса. Данный анализ обосновывает положение о том, что российская молодежь в стратегиях равенства возможностей является условными государственниками, т.е. сохраняет матрицу государствоцентризма при включении механизмов индивидуализации.

Заключение

Иными словами, равенство возможностей достигается в контексте веры в государство как источник стабильности и порядка. Следовательно, снижения социальной неопределенности молодежи и ее активности на социальном микроуровне, который не требует жертвенности для государства, возможности каждому заниматься своим делом и в этом качестве быть равным другим. Подчеркивая отрицание уравниательства стратегий равенства возможностей, нельзя не учитывать того, что каждый пятый молодой россиянин настроен патерналистски, надеется на помощь со стороны государства, на продолжение политики тотального молодежного протекционизма.

В этом смысле социально фиксированные установки становятся нестабильными, но сохраняются социально реактивные диспозиции, включение механизмов вынужденной адаптации, особенно в условиях затянувшегося кризиса. Очевидно, по результатам самостоятельного социологического исследования, что респонденты не нацелены на утверждение высших (фундаментальных) социальных диспозиций, в которых равенство возможностей рассматривается как самоценность. Являясь ценностью-идеалом для патерналистов, актуальной является реализация стратегий равенства возможностей как непреложного требования к молодежной политике. Не надеясь на негосударственные институты развития молодежи, патерналисты склонны считать, что молодежная среда неспособна к объединению и воспроизводству устойчивых структур и организаций, которые бы позволили на равных работать с государственными структурами и влиять на молодежную политику.

Это важный момент для того, чтобы определить отношение молодежи к проблемам социальной защиты и адаптации. Согласно результатам самостоятельного социологического исследования, для 53 % респондентов социальная защита, воспринимаемая как гарантии прав молодежи, прежде всего в социальной и экономической деятельности, связана с тем, что происходит повышение значимости молодежи в восприятии общества, переход от политики покровительства и наставничества к позиции прислушиваться к ее голосу. Очевидно, что респонденты испытывают влияние эйджеизма, возрастной дискриминации, которая и определяет негативное отношение молодежи к интеграции в профессиональные сферы, где, по их оценке, трудно добиться равенства возможностей со старшими поколениями, где оценивается критерий стажа, закреплённости и молодежь обречена на роль ученичества.

То, что 35 % респондентов полагают, что социальная защита и адаптация стимулируют творчество и независимость молодежи, совпадает с ранее выявленным индивидуалистическим трендом. Для группы индивидуалистов проблемы социальной защиты и адаптации молодежи позитивны в том, что актуализируют для общества и власти вопросы о будущем поколении. Так как молодежь, по их мнению, не настроена на патернализм, есть необходимость создать условия для независимости молодежи, для того, чтобы молодежь занимала лидерские позиции в новых социально-экономических нишах.

Литература

Воденко К.В., Черных С.С., Самыгин С.И., Самыгин П.С. Социология молодежи. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 189 с.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь Россия: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 290 с.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 344 с.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. 335 с.

References

Vodenko, K.V., Chernykh, S.S., Samygin, S.I., Samygin, P.S. (2017) Sociology of youth. Moscow: RIOR: INFRA-M. 189 p.

Gorshkov, M.K. Sheregi, F.E. (2010). Young people of Russia: a sociological portrait. Moscow: TsSPiM. 290 p.

Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. (2008). Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth. Moscow: Academia. 344 p.

Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept (2013). Moscow: TsSPiM. 376 p.

Chuprov V.I., Zubok Yu. A. (2000). Youth in social reproduction: problems and prospects. Moscow: RIC ISPI RAN. 335 p.

Поступила в редакцию

27 февраля 2018 г.